

ВНЕШНИЕ данные для актера у него превосходные: рост, лицо с чертами правильными, выразительными, пластическое изящество, голос и, что называется, «манера»... Но от «фактурных» ролей он отказывался даже на первых порах своего творческого пути. Вот и сейчас в нашем разговоре сердится: «Это не задача искусства — демонстрировать самого себя». Для него «фактура» — как бы глина, из которой лепится нечто. Решительно нарушая бытующие еще порой шаблоны сценической игры и шаблоны зрительского восприятия, народный артист РСФСР Олег БАСИЛАШВИЛИ всегда идет вглубь, находя в ролях вторые и третьи планы, как правило, насыщая их сложным психологическим подтекстом, непременно стремясь выразить в них свое гражданское и человеческое «я», свое понимание жизни.

— Олег Валерьянович, насколько не случайно, а принципиально для вас то, что вы работаете именно в Большом драматическом!

— Всякий поступок, наверное, несет в себе и случайность, и принципиальность. Я ведь учился в студии Художественного театра, и мечта была одна: работать во МХАТе. Но на распределении мою судьбу решили иначе, я оказался совсем в другом коллективе и вообще в другом городе. Когда спустя время посмотрел спектакли БДТ — «Пять вечеров», «Лиса и виноград», «Шестой этаж», — почувствовал, что нечто от искусства Художественного театра (подлинное внимание и уважение к человеку) — именно здесь! (Не хочу сравнивать два этих коллектива, они разные, но главное, на мой взгляд, присутствовало и там и там). Поэтому, получив приглашение Георгия Александровича Товстоногова, согласился с великой радостью. И счастлив, что так случилось.

— Итак, в актерской судьбе вам повезло!

— Конечно, повезло — что говорить... Хотя и везение может быть разным... Бывает, молодому артисту сразу предлагается большая роль, он приобретает популярность... Но такая популярность имеет две стороны: с одной — приносит не только известность, но и новые роли; с другой — на мой взгляд, мешает дальнейшему росту, потому что артисту вдруг начинает казаться — дальше уже вроде делать нечего: и Сатин сыгран, и Отелло... И затем ему требуются уже гигантские усилия, чтобы слезть с этой «горы» и начать все сначала, ибо после института у него есть азы понимания театральной алгебры, но нет еще настоящей школы, мировоззрения и многих других вещей, которые нашему брату абсолютно необходимы... На первых порах в БДТ я играл маленькие роли и делал это, пожалуй, довольно средне, но в то же время на этих маленьких ролях постоянно пытался научиться тому языку, на котором разговаривает со зрителем Товстоногов...

— Мы помним многих ваших героев. Наверное, у зрителей к каждому из них свое отношение. А сами вы какой из ролей отдаете предпочтение сегодня? И вообще что ищете в своих героях?

— Что ищут? Очень трудно говорить на эту тему: если что-то сыгранное переводить на язык слов, то тогда, наверное, вообще уже не надо выходить на сцену. Честно говоря, сформулировать до конца, что меня в искусстве волнует прежде всего, не могу. Давайте вместе, чтобы как-то разобратся в этом, вспомним некоторые из старых и последних моих работ.

Ну для начала Славка Кук-

це концов и своего друга Мольера, и вообще искусство другой мой герой — Людовик XIV. Мне хотелось показать короля во всем величии его славы и во всемирности, блестящей ума и невероятной ограниченности, силе и слабости...

С особым удовольствием работал над ролью Бочарова в «Беспокойной старости». Мой герой, талантливый ученый, встает перед проблемой: либо отдать себя чистой науке, либо — революции. И он выбирает второе. Бочаров вынужден уйти от любимого учителя, чтобы защищать революцию. А ведь в кинофильме «Депутат Балтики» этой темы не было. Мы попытались найти конфликт не только явный — между Полежаевым и Воробьевым — но и между Бочаровым и Полежаевым, и даже — внутри самого Бочарова...

Теперь о самых последних работах. Вот князь Серпуховской в «Истории лошади». По-

вместе хоть как-то определить мою главную актерскую тему. — Может быть, это прозрение человека!

— Да, пожалуй, прозрение, самоосознание, беспокойство за реализацию его личности против тех свойств и качеств человеческой природы, которые ее разведуют, оплошляют, искажают, не позволяя личности состояться по самому высокому счету.

— Приходилось ли вам за роль драться, доказывать, что именно вы должны ее сыграть?

— Каждая роль является в какой-то степени экзаменом своей состоятельности или несостоятельности, и, естествен-

но — в Подмоскowie, где прошло мое детство.

— Если бы сегодня у вас был спектакль, вы бы согласились на это интервью, или бы оно помешало вам «вживаться в образ»?

— А у меня сегодня спектакль как раз есть, они вообще у меня почти ежедневно. Что же делать? Если бы шел «Ревизор», может, и отказался бы, но не для того, чтобы «вживаться в образ», а просто чтобы силы сохранить. Что же касается «вживания в образ», то мне кажется, что в день спектакля артист независимо от своей воли переключается на некую волну, он уже знает, что вечером ЭТО ему предстоит, и весь его организм начинает к ЭТОМУ готовиться...

— А если день совсем свободный, куда пойдете, чем займетесь?

— Дочка у меня маленькая растет, пойду с ней гулять...

— Как считаете, собственная биография помогает в работе над ролью?

— Про себя говорить бы не хотел, попробую привести один пример. Если взять такой спектакль Эфроса, как «Человек со стороны», то убежден, что Эфрос перенес на сцену собственное мироощущение, и артисты, живя заботами и радостями сегодняшнего дня, выходя на сцену, тоже выносят эти чувства. Иначе они не были бы современными артистами. Георгий Александрович Товстоногов о современном актере сказал однажды примерно так: «Существует дистанция между ролями и исполнителями, и если эта дистанция найдена точно, то роль сыграна современно». А чтобы найти эту дистанцию, свое отношение к персонажу, необходимо жить жизнью страны, народа.

— Молодые часто пишут в «Смену» о своем желании стать актерами. Что бы вы им посоветовали!

— Когда Василий Иванович Качалов в тридцатых годах нашего века шел по Москве, то прохожие снимали перед ним шляпу, потому что люди ощущали: Качалов несет в себе великий заряд и понимание жизни, в какой-то мере он является учителем жизни! Так вот, если молодой человек, мечтающий о театральной карьере, попытается понять всю меру ответственности, которая лежит на артисте, а с другой стороны, уяснит для себя, что творчество — это титанический, ежедневный, ежеминутный труд, когда многим приходится жертвовать, если он все это для себя уяснит и примет, тогда стоит делать решительный шаг... Честное слово, популярным артистом стать совсем нетрудно: выступи по телевизору — и завтра тебя узнает весь Ленинград. А чтобы идти дальше, надо работать. Как умел работать Павел Борисович Луспекаев. Увы, он не был очень популярен: «Белое солнце пустыни» вышло уже после его кончины, но этот человек, несмотря на свой гигантский талант, трудился с утра до поздней ночи. Он объяснял: «Я учу текст», а на самом деле это была постоянная изнурительнейшая работа...

— Что на месте зрителя вы бы пожелали артисту Басилашвили!

— Веселого и трудного счастья.

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото автора

ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

НЕСТИ ЗАРЯД ЖИЗНИ...

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает
народный артист РСФСР Олег БАСИЛАШВИЛИ

лин из «Океана»... Можно было, наверное, сыграть его просто как героя отрицательного, но ограничиваясь этим не хотелось: я считал для себя более важным обнаружить за блестящей карьерой, сделанной этим морским офицером, его огромное внутреннее неблагополучие. В жизни у него ничего не получается, потому что Куклин живет не в призвании, а в карьере. Интересно было сыграть конфликт между возможностями личности и их реализацией, сыграть драму прозябания героя. А Феликс из спектакля «Еще раз про любовь» был еще сложнее и глубже. Карьеристом его считать вроде нельзя — ведь в конце концов многим из нас свойственно искать место получше, поинтереснее, и Феликс тоже переметнулся по службе на такое перспективное местечко. Но потом он находит в себе силы вернуться к прежнему делу, без которого, оказывается, ему нет жизни. Однако люди подобного предательства Феликсу не прощают: он идет на все, чтобы унижения, просит, готов на жертву — все тешет. В этом я видел трагедию человека, поздно понявшего свою ошибку. Конечно, внешняя манера поведения моего героя вызвала у окружающих раздражение, смех, но ведь, по сути-то, он человек хороший, одинокий и несчастный.

Очень много волнений и счастья принес мне Андрей Прозоров из «Трех сестер» — встреча с Чеховым, роль замечательная... Стремился показать, как талантливый от природы человек идет в жизни на сплошные компромиссы и гибнет в результате собственного безволия... Еще о компромиссах. Фамилия моего персонажа из спектакля «Выпьем за Колумба» — Шатунов. И это не случайно. Знаете, шатун в машине приводит все в движение, вот и мой герой, администратор крупного учреждения, тоже там все «раскачивает». Да, администратор он гениальный, дело знает до тонкостей, но, чтобы дело не припрыли, опять-таки вынужден идти на компромиссы, придумывать какие-то липовые проблемы, халтурные темы, которые якобы решает институт. И в конце концов выясняется, что компромиссы для него становятся уже целью, что человек, хоть он уже в ореоле славы и при орденах, увел себя далеко-далеко в сторону... В общем, дело предал. Как предаст в кон-

сколько у Толстого эта фигура намечена очень пунктирно, пришлось многое досочинять. Мысль Льва Николаевича тут довольно ясна. Живет лошадь — по лошадиным законам: и любит, и возит, и скачет... Даже когда она умерла, пришла пользу людям: ности пошли на муку, кока тоже пригодилась — в общем, прожила лошадь, как надо. А рядом находится человек — на первый взгляд, довольно симпатичный, который живет по тем же законам, что и эта лошадь: тоже любит, скачет, обгоняет... Но ведь человеку должно быть свойственно еще что-то другое, не только желание возвыситься над толпой, обогнать всех... С другой стороны, на мой взгляд, не только Холстомер — пегий, «пегий» и его хозяин. Если Холстомера презирают за то, что он не такой, как все, то князь тоже считает себя в какой-то мере «пегим», не похожим на других, — этаное убеждение в собственной исключительности... И вот человек, который так отделил себя от общества, в результате терпит естественный крах: к старости у него ничего не остается. Терпит крах и арлекин Басов в горьковских «Дачниках». Наверное, моего героя можно поназвать, но я предпочитаю над ним с презрением посмеяться. Басов заранее заявляет, что ему ничего в жизни не нужно, кроме как забавляться, кутить, но при этом все-таки разлагается, дескать, «мы, интеллигенция страны» и т. д. и т. п. В этом человеке есть ощущение трагедии, истоки которой ему не понять. И вот внутри — трагедия, а внешне — балаганное поведение, которое в результате становится его сутью...

А вы знаете, какая самая главная трудность в исполнении роли Хлестанова? Теперь ведь ее почти все знают наизусть! Допустим, только стоит в монологе вранья сделать паузу: «А на столе, например...», как из зала уже подсызывают: «Арбуз». «Ревизора» проходили в школе, все известно заранее, ситуационная неожиданность спектакля исчезла — и это очень мешает. Но все равно роль доставляет гигантское наслаждение. Мы пытаемся показать страшную картину общества, в котором нет мысли.

Простите за несколько пространственный экскурс в прошлое и настоящее, но, может быть, это напоминание позволит нам

в каждой роли стараешься убедить режиссера, что именно только ты и должен ее сыграть.

— Как вы думаете, у вас есть свой зритель?

— Наверное, есть, ведь приходят письма, звонят... Приятно, когда получаю подтверждение того, что зритель понял меня правильно. Вот читал Маяковского по телевидению, и потом так обрадовался, что откликнула именно та тема, которая больше других волновала и поэта и меня...

— Кстати, и на теле- и на киноэкране вы появляетесь часто. А ведь, пожалуй, в кино главной своей роли еще не сыграли! Интересно, что Басилашвили-зритель думает о Басилашвили-киноактере?

— Он думает, что Басилашвили — киноактер одноплановый, что у него плохая дикция, что все, сделанное им на экране, — пока почти случайно... Увы, в кино мне не везет. Вероятно, кинорежиссерам в нашем театре бывает некогда, поэтому на экране стараются использовать меня, как правило, в ролях примерно одного плана. Правда, есть два человека, на которых очень рассчитываю, они вроде меня поняли: Никита Михалков после «Рабы любви» предложил очень интересную роль в «Неоконченной пьесе для механического пианино» (но, к сожалению, в силу разных обстоятельств, не смог этой возможностью воспользоваться), и Эльдар Рязанов, у которого недавно снялся в «Служебном романе», тоже обещает глубокую роль в комедийном ключе. Сейчас у Швейцера сыграл в фильме «Смешные люди» по Чехову...

— Попробуйте на мгновение вообразить себя не актером. Кем в таком случае себя видите?

— Лесником, и непременно